

Роль рамочного повествования в циклах немецких романтиков

Крысанова Маргарита Валерьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени

М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Циклы с рамочным повествованием имеют давнюю литературную традицию: к ним относятся «1001 ночь», «Декамерон» Бокаччо, «Гептамерон» Маргарита Наваррской, «Беседы немецких беженцев» И.В. Гете.

В эпоху романтизма в Германии появляется сразу несколько таких циклов: «Зимний сад» А. Арнима (1809), «Фантазус» Л. Тика (1812–1816), «Серapiоновы братья» Э.Т.А. Гофмана (1819–1821).

Чтобы понять особенности жанра «цикл», надо рассмотреть роль рамочной конструкции, обозначить функции, которые она выполняет.

Прежде всего, рамка дает автору возможность соединить разные жанровые формы: в «Зимнем саде» есть отрывки из дневников, письма, обработки средневековых европейских сюжетов, «Серapiоновы братья», наряду с новеллами, включают в себя эссе, в «Фантазусе» чередуются прозаические и драматические произведения, присутствуют стихотворные вставки. «Монтируясь из отдельных произведений, структура цикла несет широкие возможности развития художественного смысла и допускает многообразие принципов построения.» [Литературный энциклопедический словарь: 492] Это соответствует идее романтизма об «обогащении» жанров путем их смешения. Кроме того, такая «мозаичность» повествования не только создает пеструю и разнородную картину «жизни во всем ее многообразии», но и иллюстрирует фрагментарный стиль мышления, свойственный романтикам.

Вводя рамку, писатель, как правило, устанавливает «правила» своего повествования, намечает определенные законы, по которым выбираются сюжеты новелл или их форма. Так герои Арнима договариваются рассказывать «истории из других стран и других времен», в «Фантазусе» объясняется, почему там будут сказки и легенды («сказкой начинается жизнь»), а серapiоновы братья провозглашают за основу творчества серapiоновский принцип достоверности. Такой «регламентированный», предсказанный мир вымысла противопоставляется, как правило, миру действительному и нередко является бегством от природных (как в «Декамероне» и «Зимнем саде») или социальных (как в «Беседах немецких беженцев») катаклизмов. Этому искусственно созданному миру непременно присущ элемент игры (в «Зимнем саде» Гениальная вместо пожатия рук при первой встрече вкладывает в ладонь снежки; чтобы быть принятым в сообщество, автор обязательно должен рассказать историю).

Наличие рамки позволяет писателю создать еще один пласт произведения, нередко богатый событиями: рамочное повествование «Фантазуса» представляет встречу старых друзей, знакомство с семьей друга, обстановку в городе и за городом, любовь и счастливое соединение. Дополнительное изображение дает автору возможность «обыгрывать» один и тот же мотив на разных уровнях: в «Серapiоновых братьях» звук открывающейся двери слышат одновременно и члены кружка, и герои рассказа «Таинственный гость», и участники истории, которую рассказывает один из персонажей новеллы. Прием «рассказ в рассказе» используется в каждом из перечисленных циклов: рассказ женщины о своей жизни («Фантазус»), рассказ отшельника о пребывании на острове («Зимний сад»).

Рамочная конструкция помогает оттенить вставные новеллы. Процесс обсуждения рассказанных историй – одна из главных задач циклов подобного типа. Именно с такой целью читают написанное друг другу серapiоновы братья. Этот прием помогает автору, предоставляя читателю по-своему интерпретировать ту или иную историю, предложить несколько возможных точек зрения на одну и ту же ситуацию, несколько трактовок текста. Обсуждение может «снизить» драматический эффект рассказа (у Арнима после трогательной истории любви, завершившейся смертью

девушки, Инвалид предлагает вариант эпиграфа – довольно едкий и прагматичный) или наоборот.

Цикличность повествования позволяет автору изложить свои мысли по множеству разных вопросов; в разговорах героев затрагивается широкий спектр тем. Особенно ярко это выражено у Тика: его персонажи обсуждают природу, литературу и историю, вопросы воспитания детей, любовь, и смерть, а также множество мелочей вроде курения трубки или уместных тем для разговора за обедом. Таким образом писатель может выразить свою точку зрения на важные проблемы не только в сюжетах вставных новелл, но и открыто – в разговорах героев.

Рассказанные истории служат еще одним средством характеристики персонажей. Инвалид в «Зимнем саде» в один из вечеров рассказывает совершенно негероическую историю собственных военных походов, которая помогает лучше понять его образ. Достаточно четко разделены фигуры собеседников в цикле «Серрапионовы братья». «Киприан наиболее чувствителен к проявлениям сверхъестественного, тогда как медик Винцент воплощает сардоническое начало.» [Ziegler: 277] Поскольку каждый в этих циклах – автор, т.е. художник, творец, то рассматриваемые произведения можно понимать как «романтические симпозиумы». [Берковский: 10]

Таким образом, рамочная конструкция не только «ограничивает» и «упорядочивает» рассказываемые истории, принадлежащие к разным жанрам, взятые из разных источников и имеющие в своей основе разные темы (до такой степени, что цикл воспринимается как цельное законченное произведение со своей внутренней логикой и четким эстетическим замыслом), но и выполняет еще целый ряд важных функций, позволяющих говорить об особой художественной форме, характерной для немецких романтиков. Рамочный цикл позволяет автору, с одной стороны, придерживаться фрагментарного стиля повествования, с другой – создавать цельную картину мира.

Литература

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб., 2001.

Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

Ziegler V.L. Bending the Frame in the German Cyclical Narrative. Washington, 1991.